

Виктор Боев

Метаморфоза Остапа Бендера

Виктор Боев

Метаморфоза Остапа Бендера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42007069

ISBN 9785449650054

Аннотация

В этой книге Бендер предстаёт перед читателем в образе некоего сверхчеловека. Он отказался от корыстных идей, встал на путь политики. Действие разворачивается в Москве 1991—1992 годах, куда на машине времени Остапа направил Сталин. Основное содержание произведения – деятельность, направленная на захват власти. Его жанр – авантюрный роман с элементами фантастики и гиперболы, социальной и политической сатиры. Книга имеет строгую сюжетную линию. Написана понятным языком, читается с интересом.

Содержание

ГЛАВА I	5
ВЕЛИКИЙ ПОСЛАННИК ПРОШЛОГО	5
§1. Путь в Москву	6
«Отцу всех времен и народов товарищу И. В. Сталину	29
§2. Неожиданная встреча	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Метаморфоза Остапа Бендера

Виктор Боев

© Виктор Боев, 2019

ISBN 978-5-4496-5005-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

ВЕЛИКИЙ ПОСЛАННИК ПРОШЛОГО

§1. Путь в Москву

По узкой полевой тропинке, тяжело переступая с ноги на ногу, шел смуглый молодой человек среднего роста. Одет он был в серую шелковую рубашку с длинными рукавами и широкие хлопчатобумажные шаровары синего цвета. На лохматой голове путника сидела изрядно потрепанная соломенная шляпа, поля которой окаймляла красная засаленная ленточка. Товарный вид его обуви – зеленых лакированных штиблет – также оставлял желать лучшего: подошвы были расклеены, задники истоптаны, каблуки стертые до основания.

Черная густая борода и свисавшая из-под шляпы целая копна лоснящихся волос почти полностью покрывали лицо мужчины, но даже на таком лице при желании можно было разглядеть умные глаза, римский нос и волевой подбородок.

Проходя мимо дуба, стоявшего справа, в пяти метрах от тропинки, путник услышал громкие агрессивные крики птиц. С трудом поднимая голову, он увидел пару иссиня-черных ворон, которые сидели на толстой ветке дерева, рядом с гнездом.

– Да замолчите вы, дьявольские отродья, не трону я вас и ваше гнездо, – пробубнил мужчина, размахивая руками.

В эту минуту внезапный сильный порыв ветра сорвал с его головы шляпу и стал поднимать ее все выше и выше, уно-

ся куда-то вдаль. Молодой человек хотел погнаться за своим головным убором, но ноги не слушались – они были тяжелы, словно налитые свинцом. Негодуя, он выпалил несколько матерных фраз, адресованных неизвестно кому, и, обильно сплюнув, стал с нервным усердием растирать ногой слюну.

А шляпа тем временем, описав в воздухе дугу, упала аккурат перед своим хозяином.

– Чертовщина какая-то, – произнес изумленный путник, крепко фиксируя блудный предмет на голове. – Спокойная погода, можно сказать, абсолютный штиль – и вдруг такой порыв ветра... Шляпа совершает почетный круг и, словно бумеранг, возвращается к исходному месту. И ветра снова нет. Наверное, это все воронье колдовство. Ладно, мстить не буду, пусть живут птички. Я сам виноват. Наверное, не стоило обзывать их дьявольскими отродьями.

Сказав это, молодой человек собрал остатки сил и, превозмогая боль от натирающей обуви, ускорил шаг. Долго еще ему во след кричали вороны, но он их уже не слышал, так как погрузился в глубокие раздумья.

Мозг его сверлили неупорядоченные, прерывистые, весьма жгучие навязчивые мысли.

«Какой провал! – думал он. – Падение у самого финиша! Полнейшее отключение кислородного источника...»

Я не в силах понять тех простаков, которые постоянно трезвонят о неминуемом торжестве справедливости. Справедливость, справедливость... Где она, ваша справедли-

вость? Где вознаграждение за каторжный труд и за соленый пот? Нет вознаграждения, нет справедливости, нет ничего... Все это миф и блеф, которые, наверное, не развеются никогда, все ложь...

Моя судьба смеется надо мной, над моей честью и моим достоинством. Она втоптала меня по горло в грязь, надеясь утопить меня в ней. Жаждет моей крови, моей смерти...

Не выйдет, слышишь, не выйдет! Я не беспомощный ребенок, над которым можно бесконечно долго издеваться, оставаясь при этом совершенно безнаказанным...

Но если ты и впрямь так полагаешь, ты глубоко ошибаешься... Да, я одинок, но горжусь своим одиночеством. Я всей душой презираю стадность, присущую большинству людей...

Пусть, пусть я одинок, но сила моя – в одиночестве... Именно в этом и есть причина моей гениальности. Да, я гений и буду бороться против всех и каждого, кто не признает во мне гения!

Слышите, я всех вас вызываю на бой... Мы еще поборемся, а там видно будет, кто из нас тигр, а кто шакал. Я докажу всему свету свое превосходство, свое величие. Я сделаю так, чтобы все знали, что впредь не стоит смеяться над Остапом Бендером...»

Да, уважаемый читатель, это был Остап, наш великолепный великий комбинатор, переживший много горя, испытывав-

ший за свою не очень-то длинную жизнь довольно много лишений. Все дни его существования на земле – бесконечная и ожесточенная война. Бендер боролся как с самим собой, так и против окружающих, всей своей душой желая торжества собственного «Я». Не трудно сделать вывод, что Остап – эгоист, но не суди его, читатель, за это, не обвиняй за высокомерие, выходящее за рамки обычного. Может быть, в этом и скрывается трагедия Бендера?!

Несмотря на то, что он гордился своим одиночеством, командор всегда был в поиске людей, близких ему по духу. Но всякий раз с огромной тоской ему приходилось констатировать безрезультатность этих своих исканий...

Не суди его, читатель, но и не жалеи. Жалость оскорбляет великого комбинатора.

Чтобы ответить на предполагаемые вопросы читателя, считаю необходимым сделать некоторые пояснения относительно того, как Остап Бендер оказался на этой полевой тропинке.

Расставшись со своим миллионом, стоившим многих месяцев кропотливого труда, оказавшись у разбитого корыта, великий комбинатор, однако, не пал духом. Ожидать иного поворота событий было бы просто глупо, так как он – человек планов и действий. В его голове уже ютилось и было согрето несколько проектов будущих мероприятий, но какому из них отдать предпочтение, командор пока не решил. Ему

было ясно лишь одно – он твердо знал, что надо идти в Москву.

«Москва – это столица, – размышлял великий комбинатор, – город больших возможностей...»

На этом нить подобных мыслей, посещавших Остапа Бендера довольно часто, как правило, прерывалась. К их доказыванию и развитию великий комбинатор не приступал по различным причинам.

Прежде чем дойти до того места, где мы его застали, Остап был в пути уже более двух месяцев. Постоянное недоедание и недосыпание сказывались на его здоровье. Чувствуя себя не очень хорошо, он между тем понимал, что нельзя терять ни одной минуты.

До Москвы оставалось около пятидесяти километров. В кармане шаровар великого комбинатора лежал блокнотик, в котором до мельчайших подробностей были расписаны маршрут, время отдыха, скорость движения и другие данные, без планирования которых всякий приличный турист вряд ли считался бы таковым.

Бендер рассчитывал дойти до пункта назначения за троечетверо суток.

Тут необходимо заметить, что каждые сутки состоят как из светлой части, называемой днем, когда положено бодрствовать, так и из темной части, называемой ночью, когда всякое население, устав, ложится спать.

Этот закон природы Остап знал более чем хорошо. Чув-

ствуя приближение ночи, командор задумался, где бы ему устроить очередной ночлег. Наученный печальным опытом, когда, попав под дождь, он сильно заболел, ночевать под открытым небом Бендер не хотел. Но никакого жилища в ближайшей перспективе видно не было.

Командор, тяжело дыша, двигался вперед по тропинке, которая уже освещалась майскими звездами. Ему пришлось пройти еще около трех километров, когда, наконец, повезло – на широком холме одиноко стоял небольшой домик, выстроенный по традиционной русской архитектурной логике. Это было низкое деревянное строение с чердаком, двумя расписными окошками и узкой дверью.

Подойдя к нему, Остап долго стучал то в дверь, то в окно, вызывая хозяина. Но никто не отзывался. Тогда Бендер без особых усилий открыл окошко и криком спросил, есть ли кто дома. Эта мера оказалась результативнее. Через минуту на крыльцо вышел старичок с седой бородой.

– Чего кричишь? – произнес он на удивление довольно сильным голосом. – Чего тебе? Не спиться, что ли? Так не мешай другим спать!

Хозяин домика подошел поближе к Бендеру и спросил, кто есть такой и что ему надобно в столь поздний час.

– Путник я, – не раздумывая ответил Остап, – на Москву иду. Устал. Мне бы поесть чего-нибудь да переночевать. А за то, что разбудил вас, искренне прошу прощения. Иного варианта, альтернативы, так сказать, не имел.

– Чего уж там, – пробормотал старик, щурясь. – Я ко всему привык в своей жизни. А спать, честно говоря, я еще не ложился. Что же мне – круглые сутки, что ли, спать?! Жизнь-то скоро возьмет и закончится...

Старичок прикурил, еще раз осмотрел Бендера с ног до головы и, окончательно поняв суть дела, пригласил его быть гостем.

Остап вошел в домик.

Комната (а изба состояла всего-навсего из одной комнаты) была не такой уж богатой, но и не так, чтобы совсем бедной. В ней находились две узкие кровати, стоявшие у противоположных стен, круглый столик, занимавший место в центре, и небольшая тумбочка, примыкавшая к одной из кроватей. Это все, что сразу бросалось в глаза. Остальное же было безликой совокупностью мелких предметов, не пытавшихся привлечь к себе внимание посторонних и предпочитавших быть замеченными только хозяином.

За великим комбинатором в избу вошел и старичок. Он подошел к тумбочке и зажег стоявшие на ней свечи. До этого горели две свечи, а теперь же комнату освещали четыре.

– Вы извините, – сказал хозяин, – обстановка у меня явно не барская...

– За то, что вообще впустили меня, большое вам спасибо, – поблагодарил Остап. – Пришлось бы мне под открытым небом ночевать.

Старику, перед которым стоял человек весьма не господ-

ского вида, почему-то показалось, что он далеко не тот, кем его выдает внешний вид. Причин для такого умозаключения я, уважаемый читатель, не вижу. Единственно, на что могу сослаться, так это на пресловутый жизненный опыт старого человека.

– Садитесь, пожалуйста, в ногах-то правды, как говорится, нет.

Сказав еще раз «спасибо!», командор скинул шляпу, с удовольствием уселся на кровать, широко расставив ноги, медленно снял штиблеты и задвинул их под тумбочку.

– Меня зовут Андреем Андреевичем Листопадовым, – представился хозяин, естественно, желая при этом услышать данные о своем госте.

– А я Остап Бендер – комбинатор, – ответил командор и пожал протянутую руку Листопадова. Бендер явно поскромничал, назвавшись просто комбинатором.

Андрей Андреевич с пониманием кивнул, хотя на самом деле было совершенно ясно, что он не понял значения слова «комбинатор» в контексте данного разговора.

«Профессия, наверное, такая, – успокоил он себя на всякий случай, – что же иначе? Спрашивать, ей-богу, неудобно. Наверное, так и есть – профессия».

Довольно быстро Листопадов организовал ужин, выставив на стол жареную картошку, кровяную колбасу, лук, чеснок, ржаной хлеб и, конечно, бутылку водки.

Наевшись – удовлетворив свои, можно сказать, животные

потребности, новые знакомые с превеликим удовольствием перешли к задушевым разговорам – к удовлетворению потребностей духовных.

– Живу я, мягко употребляясь, один, если не считать до-машней скотины, – говорил с глубокой грустью Андрей Андреевич. – Жену свою потерял более шести лет назад. Вдовец я. Сыновья в город подались, оставив меня здесь одного. Да я и не виню их в этом. Что им тут делать-то, в деревне, если, конечно, мое хозяйство вообще можно так назвать.

Бендер поначалу хотел для приличия прослезиться, но, услышав от собеседника, что тот не унывает, мгновенно отказался от своего намерения. Слушая рассказ Листопадова, великий комбинатор был как никогда внимателен и даже чувствителен.

– Так вот я доживаю свой век, – продолжал тем временем старик. – Никаких развлечений. Да уж и поговорить-то не с кем. Лишь изредка посещают меня путники наподобие вас. Тогда радуюсь я очень... Тошно чувствовать себя без действий, а поделать ровно ничего не могу. Рано списала меня история, вытолкнула судьба из общего потока. А жизнь у меня была богатой, надо не забыть, насыщенной всякими интересами и подробностями.

Листопадов тяжело вздохнул и вытер платочком набежавшую слезу.

Бендер вдруг поймал себя на мысли, что ему действительно жаль этого одинокого старика, хотя жалеть кого-то он счи-

тал таким же зазорным делом, как и бояться чего-либо, быть обманутым и быть вторым.

Выслушав печальный рассказ Андрея Андреевича, командор решил поделиться и своей историей, которая, однако, как обычно, свелась к тому, что его предки были янычарами, а сам он человек, ищущий правды на этом свете, но пока ее не нашедший.

В такой душевной беседе новые товарищи провели около часа. Понимая, что Бендеру нужно отдохнуть с дороги, хозяин приготовил для него постель и предложил лечь спать.

– А я пойду покурю, – сказал он. – Сделалось привычкой перед сном выходить на полчаса на свежий воздух.

Великий комбинатор не стал возражать против такой постановки вопроса. Когда Листопадов вышел на крыльцо, он, раздевшись, с головой накрылся одеялом, желая мгновенно уснуть.

...Но не спалось. Всякие мысли терзали командора. Ему вдруг захотелось выстроить такой план своих действий, который был бы лучше всех ранее придуманных. Без такого «документа», как Остап часто называл данное «творчество», он просто не представлял своего существования. Первое, с чем необходимо было определиться, – с родом занятий или с профессией, которая, по его мнению, представляла собой «инструмент самоорганизации и дисциплины индивидуума».

«Кем бы мне заделаться? – спрашивал себя великий ком-

бинатор. – В управдомы я, пожалуй, не пойду. Это не мое призвание. Пусть домами управляют другие, я же не позволю себе гнить в такой должности.

Деньги, большие деньги мне тоже не нужны. А зачем мне они? Зачем ружье, когда нет дичи? Ведь был же миллион, а принес ли он мне хоть немного удовлетворения? Нет, конечно, нет. Одни мучения...

Разумеется, не в деньгах мое счастье. В Рио-де-Жанейро я тоже не попал и уже, наверное, не попаду никогда...

Я сделал все, что от меня зависело. В моих неудачах нет моей вины. Что поделаешь? Таково государство. Политика государства решает все. Политики управляют страной...»

При этом умозаключении Бендер резко вскочил с постели и подпрыгнул, едва не ударившись головой о потолок.

– Эврика! – произнес он приглушенным голосом.

«Политика, – вертелось у него в голове. – А может, мне стать политиком? – спрашивал он себя. – Ведь дело это несложное – надо уметь говорить, и говорить много, так, чтобы тебя никто не понял. Тогда поверят в твое величие, признают грандиозность твоего ума.

Политика – это игра. И мне необходимо включиться в нее. И не ради денег. Деньги – это устаревшее средство достижения благополучия и счастья. Я меняю средство. Я выбираю... Я выбираю... власть. Да, власть!»

Тут Бендер стал проклинать себя за то, что он, дурак, раньше не додумался до этого «чудо-средства». Обеими ру-

ками постукав по своей лохматой голове, великий комбинатор высоко поднял руки вверх и многозначительно произнес:

– Москва ждет меня, и я скоро буду там, в этом городе политиков! Думаю, что в столице найдется кусок власти, достойный меня. Весь мир будет лежать у моих ног! Все будут почитать и восхвалять великого руководителя Остапа Бендера!

Командор, в одних трусах и в бороде, резко выпрямил спину, сделав чрезвычайно важный, как ему казалось, вид. Правой рукой он стал совершать непонятные махательные движения. Ему, по всей вероятности, мерещилось, что он с превеликим высокомерием бросает что-то вниз обезумевшей толпе.

Стоя перед висевшим на стене овальным зеркалом, Остап величественно двигал рукой, подобно тому, как это делают большие политики. Хотя он никогда не видел настоящих политиков, ему почему-то казалось, что они жестикулируют именно так, а не иначе.

Великий комбинатор сознательно витал в облаках, а между тем со стороны выглядел весьма смешным и даже немного жалким человечешкой.

– Да здравствует Остап Бендер! – довольно громко крикнул он, и этот крик словно разбудил его. Он встряхнул головой и уже тихо произнес:

– Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Заседание продолжается...

После этого Остап снова залез под одеяло, но мысли не покидали его. Вопрос о политике, который он сегодня поднял, сильно взволновал его мозговые материи, вызывая, с одной стороны, огромные силы, а с другой – почему-то страх. Он понимал, что к своему большому стыду о политике знает очень мало, гораздо меньше, чем необходимо. Его организм, душа и тело, стали требовать хоть какой-то дозы информации, но источников таковой в данный момент найти было невозможно.

Заслышав шаги Андрея Андреевича, про которого великий комбинатор почти забыл, Бендер, освободив голову из-под одеяла, стал задумчиво смотреть в потолок.

– Что, не спится? – тихо спросил Листопадов, глядя на своего гостя.

– Вопросы жгучие пристали, – сказал Остап, – никак не отвяжутся, спать не дают.

Старичок немедленно поинтересовался сущностным содержанием теоретических соображений Бендера, который после пятиминутной паузы решился раскрыть фабулу своих размышлений. Приподнявшись с постели, командор многозначительно сказал:

– Понимаете, Андрей Андреевич, политика меня интересует. А о ней я ровным счетом ничего не знаю. Вот и терзаюсь... А вы случаем на своем жизненном пути не встречали политиков? Мне бы хотелось хоть немного понять, каковы они есть, что из себя представляют.

Листопадов громко хмыкнул, заложил руки за спину и стал ходить по комнате, не отвечая на вопрос, поставленный гостем. Затем он остановился, хмыкнул еще раз, но громче прежнего, и после этого промолвил:

– Я – политик, самый что ни на есть настоящий политик.

По спине Бендера, немедленно изобразившего на лице натуральное удивление, пробежали мурашки. Ему казалось, что все это происходит в каком-то бредовом сне. Он ущипнул себя, но не проснулся, ибо не спал. Тогда Остап попытался что-либо сказать, но язык отказывался шевелиться.

Андрей Андреевич за все это время не изменил своего положения. Он смотрел в упор на растерянного гостя. А великий комбинатор глядел на старика с открытым от удивления ртом.

– Истину говорю, – решил прервать тишину Листопадов. – Я есть политик, правда, уже в некотором роде списанный, так сказать, отправленный на пенсию.

Последние слова хозяина избы несколько успокоили Бендера. Он с облегчением перевел дух и резким движением левой руки вытер пот со лба. В комнате вновь повисла напряженная тишина, которую на сей раз решил прервать великий комбинатор, постепенно приходивший в себя.

– Как? – промолвил он. – Вы и впрямь были политиком? Неужели? Расскажите, пожалуйста! – и в глазах Бендера загорелся яркий огонек.

Андрей Андреевич присел на кровать, застегнул все пу-

говицы на рубашке и руками зачесал волосы назад.

– Почему был? – несколько обиженно сказал он. – Я и сейчас политик, хотя, как уже сказано, списанный. Но не в этом суть.

Листопадов с превеликим удовольствием решил рассказать о своей профессии. Он придал своему лицу необыкновенную важность, и Остап вдруг увидел в этом старичке действительно нечто «политическое».

– Итак, приступим, – торжественно произнес хозяин. – Начнем с определения, с понятия, так сказать. Что такое есть политика?

Ощущая наплыв вдохновения, он высоко поднял указательный палец правой руки, подчеркивая тем самым важность заданного им же самим вопроса.

– Политика есть субстанция, исходящая от властвующих субъектов и распространяемая на управляемых субъектов, – выпалил старик заученную в прошлом фразу.

Но это, как выяснилось, был лишь один аспект вопроса. Оратор немедленно раскрыл и второй ракурс сложного понятия.

– В концептуальном единстве с первым нужно рассматривать и другой аспект, который, диалектически выражаясь, немного уже, нежели первый. Политику также можно определить как систему мер и способов определенных субъектов, при помощи которых они ведут борьбу за власть или за лидерство.

Тут надо сказать, что все политики делятся на три категории. Первую составляют те, кто осуществляет высшее руководство страной, лидеры государства. Это серьезнейшие, умнейшие, авторитетнейшие личности нации. Каждый из них хочет стать первым или хотя бы попасть в двадцатку приближенных к кормушке и рулю. Между ними идет постоянная и ожесточенная борьба за абсолютную власть.

Самые стойкие побеждают, нервные, слабые и нетерпеливые проигрывают, иногда даже лишаются жизни. Постоянно находясь в состоянии войны за лидерство, политики первой категории вынуждены еще и заниматься делом, то есть управлением страной, поскольку в противном случае государство рухнет и бороться будет не за что.

Вторая категория политиков занимается тем, что вовремя улавливает настроения первой и посылает соответствующие импульсы вниз. Мечта данных субъектов – перейти в первую категорию. А для этого им нужно приглянуться лидерам страны. С этой целью они используют всевозможные ухищрения, основное из которых – элементарный подхалимаж.

Третья категория – мелкие политические сошки, непосредственные исполнители, о которых и говорить не стоит, поскольку они больше трудяги, нежели политики. Таких, конечно, на несколько порядков больше, чем политиков первой и второй категорий. Иногда личности из третьего эшелона случайно попадают во второй, и с этого момента в них

вселяется бес, то есть желание попасть в первую категорию.

После этих слов Листопадов вдруг почувствовал потребность пройтись. Он встал и, заложив руки за спину, начал ходить по комнате.

Остап же пристально смотрел на него, примечая каждый, пусть даже незначительный его жест. Великого комбинатора переполняло чувство гордости. Еще бы! Он, всю свою сознательную жизнь проведший в грязной экономической сфере, сидит рядом с настоящим политиком!

А между тем «настоящий политик» продолжил:

– Благодаря своей смекалке, уму и благоприятному стечению обстоятельств я сразу оказался во второй категории, где и находился до конца своей карьеры...

Листопадов с каждой минутой говорил все увереннее и увереннее, лицо его становилось умнее и серьезнее.

– В конце прошлого века Россия стала страной недовольств и беспорядков. Чувствовалась необходимость коренных перемен. Для всякого умного человека не было секретом, что требуется реорганизация государственной системы.

Одним из таких вот умных людей, условно говоря, был и я – в те времена молодой парень, полный энергии и желаний. Мне было ясно, что обязательно будут перемены, но когда точно, я не знал...

При этом было очевидно, что в случае перемен руководить страной станут именно те люди, которые эти перемены

и сотворят. А надо сказать, мне только и хотелось, что управлять. От всего остального я мог и отказаться.

Уже тогда я слышал, что есть в России политик по имени Владимир Ульянов, который, по моим данным, обладал ошутимым авторитетом среди своих соратников, а также среди масс.

Старик кашлянул и продолжил свое выступление:

– Я понял, что надо изучить его политику и подстроиться под нее. Вскоре я стал активным распространителем листовок Ульянова. В 1895 году мне удалось получить членство Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Сами понимаете, рабочий класс и его судьба меня совершенно не интересовали, как и всех остальных членов этого союза. Его основная цель – завоевание власти при помощи рабочего класса.

Но этот союз по объективным причинам внезапно прекратил свое существование, после чего я пребывал в полнейшей растерянности. Хотя мое положение было не самым худшим – большинство моих товарищей находились в ссылках и тюрьмах.

Я бездействовал. Наконец, прослышав о создании Ульяновым новой организации, называемой РСДРП, решил вступить в нее. И присутствовал на первом съезде этой партии. Кроме меня, было еще, по-моему, восемь человек. Жизнь потекла в нормальном политическом русле. Завертелась и закружилась карусель интриганской борьбы.

Но пробиться в группу лидеров я так и не сумел, да и не очень сильно, наверное, желал, ибо считал, что надежнее всего быть во второй категории, в которой, скажу без хвастовства, я был в авторитете. Все меня уважали и любили.

Листопадов сделал очередную паузу, хлебнул воды и продолжил:

– После Октябрьской революции я как-то приуныл, поскольку достиг желаемого, и ощущал опустошенность. Чтобы развеяться, стал обращаться к экономическим вопросам, а в самом начале нэпа даже организовал командитное товарищество, извлекая прибыль. Жизнь стала интереснее. Потом я снова заскучал... Постепенное свертывание нэпа стало и моим свертыванием. Я сошел с политической арены – был вынужден это сделать, поскольку иначе...

Старик глубоко вздохнул. Лицо выражало состояние его души. Он был взволнован своими воспоминаниями.

Бендер почувствовал себя виновником этого состояния Листопадова.

– И вот теперь я нахожусь на свалке истории, – печально изрек Андрей Андреевич. – Обидно. А ведь я бы мог еще поработать... под руководством товарища Сталина.

Листопадов подошел к тумбочке и извлек из нее несколько книг классиков марксизма-ленинизма. Бендер с огромным интересом стал их листать.

Но через непродолжительное время великий комбинатор внезапно почувствовал невероятную усталость. Его ве-

ки отяжелели, глаза слипались. Когда же борьба со сном стала невозможной, Остап, пожелав спокойной ночи хозяину, уснул крепким глубоким сном. Через несколько минут изба наполнилась наполеоновским храпом великого комбинатора.

Утром Бендер принял предложение Андрея Андреевича погостить у него несколько дней. Такое решение командора было явным нарушением его графика, но он чувствовал настоятельную потребность получить дополнительное образование.

Целую неделю Остап читал политическую литературу, которой у Листопадова было предостаточно. Произведения Маркса, Энгельса и Ленина Бендеру нравились. Когда он чего-то не понимал, Андрей Андреевич растолковывал ему.

В частности, Листопадову пришлось разъяснять командору такие понятия, как «диктатура пролетариата», «троцкизм», «отзовисты», «ликвидаторы», «ренегаты»... Многие же другие термины Остап понимал и без разъяснений своего старшего товарища.

Неделя обучения пошла Бендеру на пользу. Он чувствовал себя намного умнее, соответственно и увереннее. Великий комбинатор уже и представить себе не мог, как бы он жил дальше без политики и вне политики. Желание борьбы, интриганства и обмана огромным потоком вселилось в его душу. Командор чувствовал свое новое возрождение и радо-

вался этому. И когда Остап думал о политике и о себе в ней, у него учащался пульс.

Пришел день расставания. Андрей Андреевич был полон печали. Ему не хотелось отпускать гостя, но Бендер все уже решил, и уговорить его было невозможно. Жажда власти не давала ему покоя, терзала его, влекла на бой, а может, и на смерть. Да, Остап не знал, что ждет его в непроглядном будущем, но он считал, что иного пути у него нет. Великий комбинатор принял для себя важное решение: «Власть или смерть! Третьего не дано».

Остап присел на дорожку. Листопадов сел рядом.

– Как вы думаете, товарищ Бендер, удастся ли вам попасть к товарищу Сталину?

Задав этот вопрос, старик как-то стеснительно отвел глаза. Было видно, что он готовится о чем-то попросить командора.

– Конечно, – не подумав, ответил великий комбинатор, – а как же иначе. Не буду же я там, в Москве, общаться с политической мелочью. Бендер не любит летать низко.

Эти слова новоиспеченного политика и озаботили, и обрадовали Андрея Андреевича. Озабоченность его была вызвана тем, что в словах своего младшего товарища он почувствовал чрезмерную самоуверенность, соседствовавшую с детской легкомысленностью. Обрадовался же он потому, что мог озвучить заранее подготовленную просьбу.

– Не могли бы вы, товарищ Остап, – как-то тихо сказал старик, – исполнить мою просьбу. Я вот написал письмо, адресованное Иосифу Виссарионовичу, и хотел бы, чтобы вы лично передали его ему, коли вам действительно посчастливится увидеть Сталина.

Великий комбинатор немедленно согласился исполнить просьбу Андрея Андреевича и еще раз подтвердил свою уверенность в том, что встретится со Сталиным.

Листопадов извлек из чемодана, стоявшего под кроватью, серый бумажный конверт и протянул его Остапу.

– Прочтите письмо, – предложил старик.

В Бендере проснулось любопытство. Надо сказать, он всегда любил читать чужие записи и документы.

Достав письмо из конверта и бегло осмотрев его, великий комбинатор сразу понял, что оно было свежим – написано пару дней назад, то есть во время его пребывания в этом доме.

На удивление Остапа почерк у Андрея Андреевича был весьма ровный и красивый. Каждая буква выглядела как произведение искусства. В письме не было ни одной помарки.

Прочитав письмо, великий комбинатор еще раз убедился в том, что Листопадов – политик.

«Но он не великий политик, – думал командор. – Какой великий политик доверит такой важный документ, можно сказать, первому попавшемуся человеку?!»

Право, уважаемый читатель, я не знаю, можно ли вообще считать это письмо документом. Решение прими сам. А я лишь, пользуясь своим «служебным положением», приведу его полный текст.

«Отцу всех времен и народов товарищу И. В. Сталину»

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Пишет Вам большой ценитель и поклонник Вашей гениальности товарищ Листопадов Андрей Андреевич...

Сразу же хочу попросить у Вас прощения за то, что прочтение письма отнимет время, в течение которого Вы имели бы возможность решить несколько государственных дел.

Надо сказать, товарищ Сталин, что в своей жизни мне посчастливилось дважды говорить с Вами. Хотя эти встречи длились всего несколько минут, я с гордостью и честью вспоминаю их. Вы же, наверное, меня не помните, ибо я, говоря словами П. И. Чичикова (из Гоголя), «ничего не значащий червь» и недостойн того, чтобы обо мне помнил такой политический титан, как Вы. Может показаться, что я злостный льстец, но это, поверьте мне, далеко не так. Просто я люблю называть вещи своими именами.

Я хотел бы подробно рассказать о себе.

С самого начала революционного движения в России я примкнул к наиболее передовой его части. Надо непременно отметить, что мне довольно-таки продолжительное время довелось работать с величайшим пролетарским революционером и мыслителем, продолжателем дела К. Маркса

и Ф. Энгельса, основателем Советского государства, учителем и вождем трудящихся всего мира товарищем В. И. Лениным.

Уже в конце 1893 года я развернул в Петербурге работу по подготовке к созданию революционной марксистской партии, участвовал в организации рабочих кружков. А в апреле 1895 года вступил в первую социал-демократическую пролетарскую партию – Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Я был участником первого и второго съездов РСДРП, чем горжусь и по сей день.

Активно участвовал во всех трех русских революциях.

Я присутствовал на VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б), где Вы, товарищ Сталин, выступили с блестящим докладом по национальному вопросу, после чего Вас избрали членом ЦК... Я голосовал за Вас.

Таким образом, я вел революционный образ жизни. Всегда считал, что решающим условием победы трудящихся над эксплуататорскими классами и условием успешного построения коммунизма является руководство марксистской партии, во главе которой стоит такой великий революционер, как Вы, товарищ Сталин, верный преемник товарища Ленина...

Но в моей биографии, к сожалению, есть и отрицательное. Так, в начале нэпа меня вдруг охватило мелкобуржуазное желание обогатиться – инстинкт, несовместимый,

как я сейчас отчетливо понимаю, с высоким званием революционера. По этой причине (и это было справедливо) я был немедленно исключен из партии, лишен своего поста... Ареста удалось избежать...

С тех пор прошло немало времени, но с каждым днем все сильнее я осознаю ошибочность своих взглядов и действий. Хочу исправиться. Понимание того, что я уже никому не нужен, терзает меня, делает неспособным к существованию.

Исходя из изложенного и руководствуясь революционными намерениями, прошу Вас, товарищ Сталин, дать мне возможность исправить свои ошибки, реабилитироваться. Клянусь, что, борясь за высшие идеалы коммунизма и будучи преданным Вам лично, я отдам все свои силы за торжество нашей революции и за борьбу против ее врагов, все чаще и чаще поднимающих ныне свои паршивые головы...

Заранее благодарю Вас. Желаю Вам здоровья и всяческих успехов в Вашей политической жизни.

*С уважением,
тов. А. А. Листопадов»*

Остап поинтересовался, нет ли у Листопадова фотографической карточки.

– А может, он вас вспомнит по фотографии, – пояснил великий комбинатор.

Старик немедленно согласился с правильностью постав-

ленного вопроса и стал рыться в чемодане.

Из трех найденных Андреем Андреевичем снимков великий комбинатор отобрал один и приклеил его в верхнем левом углу первой страницы письма.

– Теперь уж, думается, все будет нормально, – сказал Остап, а про себя подумал:

«Ишь ты, старикашка, второй жизни захотел! Здесь есть более молодые, энергичные люди, а он, видите ли, готов бороться с врагами революции... Сами поборемся...»

Бендер демонстративно аккуратно положил письмо Листопадова в конверт и стал прощаться, намереваясь пуститься в путь.

Андрей Андреевич не смог сдержать слезы. Он крепко обнял своего молодого друга и ладонью постучал по его спине. Сцена прощания продолжалась всего три минуты. Великий комбинатор поблагодарил Листопадова за все, что тот для него сделал, и пошел своей дорогой.

Надо сказать, что, несмотря на огромные преобразования, которые произошли за последнюю неделю во внутреннем мире великого комбинатора, внешний вид его почти не изменился. Командор был одет в ту же одежду и был так же небрит и лохмат. Но в данный момент это его не беспокоило...

Бендер был охвачен великой радостью и великим счастьем. Эмоции захлестывали его.

– Лед тронулся! – временами повторял он. – Москва ждет

меня!

§2. Неожиданная встреча

Столица встретила великого комбинатора без излишней праздничности и торжественности, без цветов, шаров и транспарантов. Какая-то знакомая до боли монотонность царила в великом городе великого государства. Как обычно, много людей на улицах и много транспорта.

Командор, добираясь до Москвы, прошел пешком в общей сложности около пятисот километров. В столице его никто не встретил, не радовался ему, не подбрасывал вверх как победителя.

Решение добираться до Москвы без использования транспорта Бендер принял осознанно. Остап считал, что одолевая дорогу, он должен очиститься от прошлого и в идеологическом, и в практическом плане и прийти к будущему без груза сожалений о прошлой жизни.

И вот цель достигнута. Великий комбинатор в столице и при этом чувствует себя политиком. Но что конкретно надо делать, он пока не знает.

Добравшись до Красной площади, Бендер провел там около двух часов. От голода у него стала кружиться голова.

«Надо что-то делать, – размышлял он, – иначе упаду прямо здесь. Необходимо как-то заработать денег на еду...»

Тут он вспомнил один из своих способов, которому некогда обучал гражданина Воробьянинова. Но для этого ему

пришлось добираться до другого исторического места Москвы.

И вот посреди многолюдного Арбата с соломенной шляпой перед собой сидел лохматый молодой человек в помятой и грязной одежде.

Если бы кто-нибудь еще совсем недавно сказал товарищу Бендеру, что придет, мол, время, когда тот пойдет по миру с протянутой рукой, великий комбинатор безо всякого промедления обильно плюнул бы ему в лицо. А теперь? Теперь не кто иной, как Остап Бендер, стоял на исторической улице Москвы, жалобно выкрикивая трогательные выражения:

– Подайте нищему монету!

– Помогите, чем можете, ветерану мировой войны!

– Смилуйтесь над несчастным активистом трех русских революций...

Провозглашая просьбы и мольбы подобного рода, Бендер не придавал ни малейшего значения своему возрасту, не задумывался над тем, мог ли он вообще по объективным причинам быть участником тех или иных исторических событий или занимать ту или иную должность в государственных органах. Это казалось ему не столь значительным.

А тем временем, несмотря на дрожащий, очень жалобный голос просителя и действительно несчастный внешний вид, шляпа его была абсолютно пуста. Великий комбинатор, изо всех сил щурившийся, чтобы придать своему лицу более страдальческое выражение, время от времени опускал руку

в шляпу, но каждый раз не обнаруживал в ней ровным счетом ничего.

Так продолжалось до тех пор, пока Бендер не осознал ошибочность избранной тактики.

«Нужно менять политическую маску», – догадался он и, подняв шляпу с земли, встал во весь рост и уже господским басом стал произносить следующие фразы:

– Господа, не дайте умереть бывшему члену Сената!

– Помогите внебрачному сыну царя!

– Подайте, кто сколько может, невинной жертве революции!

И эти фразы нашли отклик в душах граждан. Монета за монетой полетели в протянутую Остапом шляпу, постепенно покрывая ее дно.

«Есть еще добрые люди на свете», – весело подумал великий комбинатор и вслух добавил:

– Все, пора закругляться. На эти деньги можно прожить пару недель. В конце концов, я ведь не попрошайка какой-нибудь.

Когда же Остап снова решил, что он не попрошайка, и хотел уже действительно закругляться, чья-то рука в белой манжете потянулась к его шляпе и опустила в нее десятирублевую бумажку.

Великий комбинатор чуть не упал в обморок от удивления и радости. Он резко поднял глаза, но увидел лишь спину уходящего быстрым шагом мужчины, походка которого

Бендеру показалась знакомой. Командор быстро сообразил, что надо немедленно догнать столь щедрого человека и поблагодарить его за такую милость.

– Минутку, минутку, уважаемый! – крикнул командор хриплым голосом. – Прошу вас, остановитесь!

Таинственный благодетель с недовольством обернулся. У него было весьма приятное лицо. Хрустально-чистые пенсне придавали великодушному мужчине необыкновенный шарм. А вот редкие усики делали его несколько смешным.

Одет мужчина был солидно: черный костюм-тройка, белая сорочка, черный галстук, черные лакированные туфли, черный котелок.

Но Остапу, который уже приблизился к щедрому прохожему на расстояние двух метров, не было дела до одежды этого гражданина. В глазах великого комбинатора горела злость, и они наливались кровью. Еще бы! В этом мужчине он узнал не кого-нибудь, а самого Ипполита Матвеевича Воробьянинова!!!

– Здравствуй, Киса, – демонстративно нежно сказал Бендер, с усилием подавляя в себе жажду мести.

– Здравствуйте, молодой человек, – резко ответил прохожий, опознанный Остапом. – Только зовут меня не Кисой, а Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.